

II.

Александровская слобода.

Послѣ пожара 1547 г., почти совсѣмъ уничтожившаго Кремль, Иванъ жилъ нѣкоторое время въ Воробьевѣ, пока ему наскоро строили въ Москвѣ деревянные хоромы и возстановляли сгорѣвшій кирпичный дворецъ. Въ 1565 г., когда была учреждена опричина, одно время государь хотѣлъ построить себѣ другой дворецъ въ кремлевскихъ стѣнахъ. Но онъ раздумалъ и предпочелъ поставить свое новое жилище подальше отъ стараго, которое уступилъ царю Симеону; мѣсто было избрано на Воздвиженкѣ, близъ теперешнихъ Троицкихъ воротъ. Онъ поселился тамъ въ 1567 г., но прожилъ недолго. Грозный такъ же не любилъ жить въ Москвѣ, какъ впоследствии Петръ Великій. Онъ предпочиталъ Коломенское, любимое мѣстопребываніе его отца, и ѣздилъ туда ежегодно 29 авг. на свои

пменины. Ему также правилась Вологда, на рѣкѣ того же имени, несмотря на ея дикій и суровый пейзажъ. Тамъ онъ приказалъ выстроить себѣ большой деревянный дворецъ на холмѣ, гдѣ до сихъ поръ стоятъ казенныя постройки. Онъ выстроилъ тамъ также соборъ по образцу Успенскаго. Но вскорѣ Александровская слобода приглянулась мрачному деспоту и сдѣлалась его постояннымъ мѣстопробываніемъ.

Эта знаменитая слобода была Плесси-ле-Туръ Грознаго какъ Малюта Скуратовъ былъ его Тристаномъ Отшельникомъ. *А. Толстой* далъ намъ красочное, но чисто вымышленное описаніе этого мѣста. Увѣряютъ, что зданія теперешняго Успенскаго монастыря въ Александровѣ заключаютъ въ себѣ часть стариннаго дворца, безслѣдно исчезнуваго. Какъ и Вологодскій дворецъ, монастырь стоитъ на возвышенности на берегу рѣки. Соборъ, который находится въ оградѣ, пожалуй, относится ко времени Ивана; тамъ можно видѣть ворота, привезенныя изъ Новгорода послѣ его разгрома, и все зданіе носить на себѣ слѣды перестройки, въ которую вошли составныя части, имѣвшія раньше другое назначеніе: окна и двери расположены не симметрично, въ стѣнахъ какія-то углубленія—безъ явной необходимости. Тѣ же особенности встрѣчаются въ Твери, въ Отрочемъ монастырѣ, гдѣ келья св. Филиппа передѣлана въ часовню. Въ Александровѣ, внѣ собора сохранилась постройка, составлявшая, очевидно, часть другого цѣлаго. Предполагали, что на этомъ мѣстѣ находились покои, занимаемые Иваномъ и его людьми. Это предположеніе подтверждаютъ огромные подвалы съ таинственными закоулками, съ подземными ходами, уходящими въ невѣдомую глубину, откуда, кажется, готовы подняться кровавыя призраки...

Но стѣны, которыя, можетъ быть, слышали и видѣли такъ много,—молчатъ. Молчить и мѣстное преданіе. Чтобы воспроизвести происшедшее здѣсь, все то, что занимало такое важное мѣсто въ жизни замѣчательнаго человѣка и великой страны, мы почти всегда должны полагаться на недостоверныя свидѣтельства лѣтописцевъ. Но, если провѣрить ихъ рассказы болѣе надежными документами, если опереться на подлинныя факты, то есть все-таки возможность представить себѣ эту слободу и быть его обитателей.

Я уже высказалъ свой взглядъ на обвиненія, которымъ подвергалась опричина. Какъ изъ явленія революціоннаго характера, изъ нея естественно возникъ терроръ съ его неизбѣжными крайностями..

Помощники Грозного, извлекаемые имъ порою изъ подонковъ общества, были неспособны понять характеръ и реальную цѣль его предпріятія, и чаще, чѣмъ онъ самъ, принимали насилие за энергію. Съ другой стороны, служа ему послушнымъ орудіемъ, эти угодливые царедворцы способствовали развитію влеченій къ грубому разврату, привитыхъ государю воспитаніемъ, и льстили нѣкоторымъ садическимъ наклонностямъ, лежавшимъ, безъ сомнѣнія, въ его натурѣ. Лѣтопись сохранила намъ имена его приспѣшниковъ. На первомъ мѣстѣ стояли бояринъ Алексѣй Басмановъ съ сыномъ Ѳеодоромъ; князь Аѳанасій Вяземскій; Василій Грязной, Левкій, архимандритъ Чудова монастыря, и—самый знаменитый и кровожадный изъ всѣхъ — Григорій Лукьяновичъ Малюта Скуратовъ. Позднѣе—Богданъ Бѣльскій, который съ Басмановымъ и нѣкоторыми другими, повидимому, игралъ при Іоаннѣ роль любимца, и Борисъ Годуновъ, зять Скуратова и царь въ будущемъ,—вотъ кого жаловалъ, и кому довѣрялъ государь.

Изъ среды этихъ приспѣшниковъ преданіе выдѣлило брата Анастасія, Никиту Романовича Захарьина, о которомъ мы уже слышали. Основываясь, неизвѣстно, на какихъ иллюзіяхъ или дѣйствительныхъ данныхъ, оно приписало ему всѣ добродѣтели,—великую и прямую душу, суровый и непреклонный умъ. Однако, едва ли это совмѣстимо съ подобной средой. Принимая все въ расчетъ, я склоненъ думать, что, по крайней мѣрѣ, въ эту пору своей жизни Иванъ не потерпѣлъ бы близъ себя такого человѣка. Вѣроятно, на этомъ лицѣ отразилась идеализація, украсившая историческое происхожденіе всего рода Захарьиныхъ послѣ того, какъ они породнились съ царемъ.

Собственно говоря, Александровская слобода отнюдь не была лишь мѣстомъ разгула. Какъ мы знаемъ, Иванъ всегда проявлялъ большую наклонность къ монастырской жизни: однако, аскетическія стремленія легко уживались въ немъ съ вольностью нравовъ, не чуждой, впрочемъ, и всѣмъ тогдашнимъ монастырямъ. Мы знаемъ также, что Грозный желалъ провести реформу въ средѣ духовенства, чтобы заставить его строже соблюдать правила монастырской жизни, слишкомъ часто нарушаемыя. Желаніе подать личный примѣръ, очевидно, руководило царемъ при составленіи внутренняго распорядка, принятаго при дворѣ въ Александровѣ и продержавшагося много лѣтъ. Въ своихъ основныхъ чертахъ опричнина многимъ походитъ на монастырское братство: опричники произносили особую клятву,

напоминавшую, отчасти, клятву при постригѣ. Они какъ бы уходили отъ міра, отрекаясь отъ всѣхъ своихъ прежнихъ связей. Слобода была по виду совершенный монастырь. 300 человѣкъ наиболѣе близкихъ къ государю подчинялись тамъ строгимъ правиламъ. На свои шитые золотомъ кафтаны они должны были надѣвать черныя рясы и участвовать въ очень сложныхъ религіозныхъ обрядахъ. Царь былъ игуменомъ, Вяземскій—келаремъ, Скуратовъ—пономаремъ. Самъ государь ходилъ звонить къ обѣднѣ со своими сыновьями. Въ полночь всѣ поднимались для первой церковной службы. Въ четыре часа всѣ снова собирались въ церковь на утреню, длившуюся до семи часовъ. Въ восемь начиналась обѣдня, и Иванъ, стараясь служить примѣромъ, такъ усердно молился, что на лбу его оставались слѣды поклоновъ. Въ двѣнадцать часовъ подавался обѣдъ въ общей трапезной; царь читалъ при этомъ вслухъ священное писаніе, и, какъ это дѣлалось въ хорошихъ монастыряхъ, остатки трапезы шли бѣднымъ. Въ качествѣ настоятеля, государь кушалъ отдѣльно; но затѣмъ всѣ къ нему собирались и пили. Нѣкоторые опричники, наперерывъ съ шутами, старались развеселить пирующихъ; туда допускались и женщины...

Для Ивана, какъ для большинства людей его времени, въ этомъ заключался идеалъ преобразованной монастырской жизни: крайнее благочестіе искупало крайній развратъ, внѣшніе обряды и матеріальныя лишенія возмѣщали отсутствіе истиннаго благочестія и служили какъ бы оправданіемъ величайшихъ моральныхъ паденій. И, въ этомъ смыслѣ, Александровская слобода строго соблюдала свой уставъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Иванъ относился серьезно къ этой пародіи. Я вижу доказательство этого въ знаменитомъ посланіи его отъ 1575 года къ архимандриту и братіи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря: человѣкъ, который написалъ это посланіе, чувствовалъ себя, на самомъ дѣлѣ, монахомъ, который бесѣдуетъ съ другими монахами о предметахъ, относящихся къ ихъ общему призванію. Вотъ, какими обстоятельствами была вызвана эта переписка: родъ Шереметевыхъ особенно потерпѣлъ отъ гоненій, которымъ подвергались знатнѣйшіе роды страны со времени восшествія на престолъ Грознаго. Одинъ изъ трехъ братьевъ, которые пострадали первыми, Никита Васильевичъ, былъ замученъ; другой, Иванъ, извѣстный воитель, также отвѣдалъ пытки и тюрьмы. Чтобы избѣжать худшаго, онъ ушелъ въ Кирилло-Бѣлозерскій мо-

настырь и постригся подъ именемъ Юны. Въ то время вынужденное, такимъ образомъ, поступленіе въ монахи допускало всевозможныя послабленія. Братъ Иона, предоставивъ обители пользованіе частью своихъ богатствъ, оставилъ за собою значительныя средства и велъ привольную жизнь въ домѣ, находившемся рядомъ съ монастыремъ; при немъ состояли многочисленная дворня, отличная кухня и все прочее. Онъ былъ большимъ хлѣбосоломъ, и монахи этимъ пользовались, въ свою очередь ухаживали за нимъ, посылали ему подарки и лакомства. Да и въ монастырѣ жили не бѣдно. Это было огромное учрежденіе. Вокругъ главнаго зданія тѣснилось одиннадцать корпусовъ, гдѣ помѣщались кладовыя, кухни, склады, а въ одной изъ сохранившихся частей зданія насчитываютъ до семисотъ комнатъ, предназначавшихся, вѣроятно, для прислуги. Шереметевъ не былъ единственнымъ знатымъ монахомъ. Въ числѣ постоянныхъ обитателей монастыря были Василій Степановичъ Собакинъ, въ постриженіи Варлаамъ, Иванъ Ивановичъ Хабаровъ, сынъ знаменитаго Хабарова Симскаго, героя предыдущихъ царствованій, и другіе вельможи, присланные сюда Иваномъ въ наказаніе. Нерѣдко между ними происходили ссоры; нѣкоторые изъ нихъ, менѣе богатые и поэтому менѣе ласкаемые, завистливымъ окомъ взирали на почести, расточаемыя Шереметеву. Ивану былъ посланъ доносъ, и онъ съ неудовольствіемъ узналъ, что люди, ввергнутые имъ въ немилость и въ изгнаніе, сохраняютъ такія преимущества. Поэтому государь поспѣшилъ вразумить братію: Шереметевъ долженъ трапезовать со всѣми. Такъ какъ монахи ссылались себѣ въ оправданіе на слабое здоровье Шереметева, царь счелъ нужнымъ не уступать и написалъ посланіе, которое съ литературной точки зрѣнія является, очевидно, его лучшимъ произведеніемъ.

Грозный начинаетъ съ исповѣди, которая какъ бы подтверждаетъ самыя сильныя обвиненія противъ его частной и общественной жизни. Со своей обычной грубостью онъ называетъ себя «псомъ смердящимъ», живущимъ въ «пьянствѣ, блудѣ, убійствѣ, разбоѣ», и въ другихъ смертныхъ грѣхахъ. Слѣдуетъ ли понимать его буквально? Можно бы подумать, что ему незачѣмъ клеветать на себя. Но сейчасъ же за этимъ онъ говоритъ, что тѣ немногія истины, которыя онъ считаетъ нужнымъ высказать братьямъ, исходятъ «отъ его скудоумія». И немедленно смыслъ этого вступленія становится яснымъ. Александровскій игуменъ говоритъ обычнымъ условнымъ языкомъ своего

времени: онъ обвиняетъ себя и унижаетъ, смиряется и поноситъ себя ради антитезы, которая должна придать особую силу тѣмъ ударамъ, которые онъ будетъ наносить. Конечно, совѣсть его не совсѣмъ чиста: но выказываемое имъ раскаяніе такъ же искренне, насколько серьезно и его увѣреніе въ томъ, что самъ онъ принадлежитъ къ Кирилло-Бѣлозерской общинѣ и поэтому входитъ въ подробности ея жизни. Онъ помнитъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, будучи въ монастырѣ, онъ выразилъ желаніе когда-нибудь стать въ число его братіи. Теперь онъ это намѣреніе принимаетъ за совершившійся фактъ, и ловко пользуется имъ для достиженія намѣченной цѣли, чтобы бичевать своихъ противниковъ тѣми доводами, которые въ данную минуту пришли ему въ голову. И вотъ, какъ онъ ихъ обличаетъ, уснащая, по обыкновенію, свою рѣчь текстами и примѣрами, почерпнутыми изъ Отцовъ Церкви и изъ Священной исторіи, изъ римскихъ лѣтописей и византійскихъ хроникъ:

«Есть у васъ Анна и Каіафа, Шереметевъ и Хабаровъ, есть и Пилать—Варлаамъ Собакинъ, и есть Христосъ распинаемъ... Не они у васъ постриглись, а вы у нихъ постриглись, не вы имъ учителя и законоположители, а они вамъ. Да, Шереметева уставъ добръ—держите его... Сегодня одинъ бояринъ такую страсть ввести, завтра другой—иную слабость, и такъ мало-по-малу весь обиходъ монастырскій испразднится и будутъ обычаи мірскіе... Вотъ сперва у васъ Іоасафу (бывш. бояринъ Колычевъ) дали оловянники въ келью... а Шереметеву же дали и поставецъ и поварню... съ другими чернецами ѣдятъ и пьютъ, что въ міру»...

Посланіе было напечатано въ Актахъ Историческихъ (I, и о 204); *Карамзинъ* (Ист. Гос. Рос. IX, прим. 37) относитъ его къ 1578. Но, повидимому, *Барсуковъ* (Родъ Шереметевыхъ, I, 324), помѣщающій его между весною 1574 и весною 1575 гг., стоитъ ближе къ истинѣ. Надо прибавить, что Иванъ пользовался, измѣняя ихъ по своему, тѣми текстами, которые приводятся въ старинныхъ церковныхъ сочиненіяхъ полемическаго характера. Это были ходячіе критическіе труды, обличающіе распущенность монастырскихъ нравовъ; они были прекрасно извѣстны Бѣлозерскимъ монахамъ, судя по находившимся въ ихъ бібліотекѣ копіямъ. Что касается того духа, которымъ былъ проникнутъ Иванъ, то слѣдующая подробность указываетъ на него ясно. Къ посланію была присоединена золотая братина, съ выпуклыми изображеніями обнаженныхъ женщинъ,—подарокъ царя

той самой обители, которую онъ старался вернуть на путь долга...
Здѣсь—подлинный духъ Александровской слободы.

Иванъ жилъ такъ-же, какъ въ предыдущемъ вѣкѣ Людовикъ XI въ своемъ Плесси-ле-Турь. Тамъ короля окружали монахи, съ которыми онъ дѣлилъ ихъ религіозныя упражненія; тамъ были слесаря, приготовлявшія знаменитыя «fillettes du roi»,—тяжелыя цѣпи, въ которыя заковывали ноги узниковъ, сажаемыхъ въ желѣзныя клѣтки; тамъ были и другіе слуги, счета которыхъ попадаются въ книгахъ Его Величества подъ рубрикой «voluptés»: столько-то, чтобы привезти изъ Дижона въ Турь горожанку, понравившуюся королю, и столько то на покупку двухъ дюжинъ чижей (*Henri Martin*, Hist. de France, VII, 145)... Если Людовикъ и не превратилъ Плесси-ле-Турь въ монастырь, то мы знаемъ, что онъ выстроилъ обитель по сосѣдству для калабрійскаго монаха Франсуа де Поль. Онъ также любилъ себя окружать «дурными людьми низкаго происхожденія» и для того, чтобы разсѣять грызущую его тоску или прогнать страшныя видѣнія, онъ созывалъ отовсюду людей, «играющихъ на тихихъ и нѣжныхъ инструментахъ». Но, прибавляетъ лѣтопись Сень-Дени, «ничто не могло его развеселить»...

Въ Александровской слободѣ, послѣ всеношной, Иванъ отправлялся въ свою опочивальню, гдѣ ждали его три слѣпыхъ старика, которые должны были усыпить его своими сказками; кромѣ того, вѣроятно, сидя у него изголовья, они оберегали его отъ ночныхъ страховъ и одиночества. Днемъ у царя были другія развлеченія. Вставъ изъ-за стола, не отправлялся ли онъ, какъ говорили, въ застѣнокъ, чтобы наслаждаться тамъ видомъ пытокъ, производимыхъ по его приказанію? Случалось ли ему замѣнять палача? Не мѣнялось ли тогда его всегда мрачное и угрюмое лицо, не становился ли онъ веселѣе среди этихъ ужасовъ, не сливался ли его громкій хохотъ съ криками жертвъ? Все можетъ быть... Но властелинъ любилъ и менѣе кровавыя игры скомороховъ, фокусниковъ, медвѣжатниковъ. Ихъ собирали для него по всеѣмъ захолустьямъ, безъ большого разбора. Въ новгородской лѣтописи упоминается нѣкій Субота Осетръ, который сначала обругалъ и приколотилъ дьяка Данилу Бартенева, а потомъ спустилъ на него медвѣдя; звѣрь бѣжалъ за нимъ вплоть до самаго приказа и привелъ въ немалый ужасъ цѣлую толпу приказныхъ, изъ числа которыхъ многіе попались въ лапы разъяреннаго животнаго. Послѣ этого

подвига, и медвѣдя, и его хозяина сочли пригодными для царской забавы, и они немедленно были отправлены въ Александровскую слободу съ цѣлой ватагой скomoroxовъ.

И дикіе, и ручные медвѣди играли въ слободѣ видную роль. Ихъ заставляли представлять смѣшныя сцены. Съ помощью ихъ мистифицировали посѣтителей и пугали ихъ. Но часто также ихъ натравливали не только на собакъ, но и на людей. Можетъ быть, Горсей и не заслуживаетъ особаго довѣрія, но онъ рассказываетъ про ужасный случай, когда семь тучныхъ монаховъ были обвинены въ мятежѣ и присуждены къ борьбѣ съ шестью громадными медвѣдями. Они растерзали пятерыхъ монаховъ и только шестой одолѣлъ противника. Гваньино утверждаетъ, что зимою, лишь только замерзшая рѣка становилась, какъ вездѣ, мѣстомъ народнаго гулянья, куда приходили ради развлечения или чтобы походить по лавкамъ, царь имѣлъ *привычку* выпускать на эту мирную толпу нѣсколькихъ своихъ медвѣдей. Могъ, конечно, быть такой единичный фактъ, но своеобразная *привычка* царя, вѣроятно, помѣшала бы народу гулять по рѣкѣ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во множествѣ другихъ, лѣтопись, вѣроятно, нѣсколько преувеличила. Она подчеркнула особенности, которыя, какъ мы видѣли, принадлежать, въ нѣкоторой степени, къ общей исторіи нравовъ въ ту эпоху, когда медвѣжки бои считались обычнымъ и любимымъ развлеченіемъ всѣхъ жителей.

Но, и помимо всякихъ преданій, Александровская слобода оставила воспоминанія, въ достаточной степени оскорбительныя для нравственности и чистоты. Молитвенные обряды смѣнялись тамъ пирами, которые, по большей части, превращались въ оргіи. Въ жизни Грознаго женщина всегда занимала весьма видное мѣсто. Вполнѣ возможно, что сами опричники служили для удовлетворенія такихъ наклонностей и вкусовъ его страстной и неумѣренной природы, какихъ, повидимому, не могли ослабить въ Иванѣ ни возрастъ, ни болѣзни. Легко допустить, что этотъ привычный развратъ принималъ иногда самыя гнусныя и даже жестокія формы. Мы допускаемъ, впрочемъ, что лѣтописцы давали слишкомъ большой просторъ своей фантазіи, изображая, напримѣръ, какъ, въ изступленіи садизма, Скуратовы и Басмановы раздѣвали крестьянскихъ дѣвушекъ и, заставляя ихъ гоняться нагими за курами, пронзали ихъ на бѣгу стрѣлами... Однако, въ то время даже настоящіе монастыри слишкомъ часто походили на вертепы разврата; легко себѣ предста-

вить, что происходило въ самозванной обители «иноковъ», свившихъ себѣ гнѣздо въ Александровской слободѣ. Самъ игумень-царь могъ служить живымъ примѣромъ блуда; мы знаемъ, что онъ успѣлъ уже отдалить отъ себя трехъ или четырехъ женъ... Вообще, послѣ смерти Анастасіи, семейная жизнь Ивана представляла не слишкомъ назидательную картину. Однако, какъ же согласить эту распущенность царя съ его постояннымъ стремленіемъ заключать все новые и новые брачные союзы? Повидимому, это рѣшительно противорѣчитъ ходячимъ легендамъ о цѣлыхъ толпахъ женщинъ, будто бы приводимыхъ въ Александровскую слободу, или о гаремѣ, который повсюду сопровождалъ царя въ его поѣздкахъ. Конечно, Иванъ былъ большимъ любителемъ женщинъ; но, въ то же время, онъ былъ и большимъ педантомъ въ соблюденіи религіозныхъ формъ. Поэтому, если онъ и стремился обладать женщинами, то лишь какъ законный мужъ. Вотъ почему онъ такъ часто прикрывалъ свои чувственные пожеланія комедіей церковнаго брака: вѣдь игралъ же онъ въ монастырскую жизнь!
